

**Семиотика vs семиология:
к вопросу о полноте знаковой теории**

Ю. В. Шатин

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН, НОВОСИБИРСК

Аннотация. Рассмотрены основные различия семиотики Ч. Пирса и семиологии Ф. де Соссюра. Автор полагает, что, кроме различного понимания измерений семиозиса и типологии знаков, различия имеют философскую основу и восходят к спорам Пуансо и Локка в XVII в. Позиция Пуансо оказывается близкой позиции Пирса, поскольку кроме объектов культуры включает природные процессы, характеризующие коммуникацию всех живых существ. Семиотические идеи Локка превосходят логику Соссюра, ограничивающуюся «человеческим разумением». С точки зрения теоремы Гёделя можно утверждать, что теория Пирса характеризуется большей полнотой за счет отказа от принципа непротиворечивости, тогда как, сохраняя непротиворечивость, теория Соссюра исходит из понятия знака, ограниченного словесным языком и примыкающими к нему системами.

Ключевые слова: семиотика, семиология, икон, индекс, символ, полнота, непротиворечивость.

УДК 81.13

Шатин Ю. В. Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 10–17.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© Ю. В. Шатин, 2015

Контактная информация: Шатин Юрий Владимирович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, shatin08@rambler.ru)

Непосредственным поводом к написанию данного материала стала статья Джона Дили «Литературная семиотика и доктрина знаков», опубликованная в журнале «Критика и семиотика» [2014]. В ней автор возвратился к важной теме, связанной с различием семиотики в ее пирсовском варианте и семиологии, в основание которой был положен «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Традиционно, когда речь заходит об этих различиях, обычно выделяют два фундаментальных признака. Первый касается типологии знаков. Как известно, Ч. Пирс разделил все знаки на три группы: иконические, индексальные и символические. В работе «Экзистенциальные графы» он, в частности, указывал на глубокие отличия символических знаков от знаков-иконов и знаков-индексов. «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте, Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение интерпретатора... Ценность символа состоит в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее (цит. по: [Якобсон, 1983, с. 116]). В отличие от Пирса Ф. де Соссюр отказывался придавать статус знака образованию, основанному на сходстве или смежности означающего и означаемого. «Когда семиология сложится как наука, она должна поставить вопрос, относятся ли к ее компетенции способы выражения, покоящиеся на знаках, в полной мере “естественных”, как, например, пантомима. Но даже если семиология включит их в число своих объектов, все же главным предметом ее рассмотрения останется совокупность систем, основанных на произвольности знака... Знаки, целиком произвольные, лучше других реализуют идеал семиологического подхода [Соссюр, 1977, с. 101].

Парадоксальным образом Соссюр одним из первых начал описывать случаи, при которых роль означающего оказывается более важной в сравнении с означаемым. В записях, посвященных анаграммам, он предположил, что «основанием для появления анаграмм могло быть религиозное представление, согласно которому обращение к богу, молитва, гимн не достигают своей цели, если в их текст не включены слоги имени бога [Там же, с. 642]. К сожалению, соссюрские заметки об анаграммах слишком фрагментарны и не позволяют судить ни о том, насколько важное место

они занимали в его научных размышлениях, ни о том, как они связывались с основами семиологии. Догадка Юлии Кристевой о том, что «здесь впервые высказывается предостережение против основополагающей роли знака» [2004, с. 41], хотя и не лишена остроумия, вряд ли может быть положена в основание теории. Такое предположение так же трудно доказать, как и опровергнуть.

Другое отличие заключается в разных способах измерения семиозиса. Ч. Пирс выделил три измерения – синтактику, семантику и прагматику, при этом именно прагматическое измерение обнаруживает принципиальное различие двух подходов. В конце 1930-х гг. Ч. Моррис на основе пирсовских дефиниций сформулировал прагматическое правило, согласно которому «в целом, с точки зрения поведения знаки “истинны”, поскольку они правильно обуславливают ожидания тех, кто ими пользуется, и тем самым более полно вызывают то поведение, которое имплицитно возбуждено в ожидании или интерпретации» [1983, с. 65].

По Соссюру же, напротив, понимание высказываний обусловлено противопоставлением синтагматических и ассоциативных (названных впоследствии парадигматическими) отношений. При этом «синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основано на двух или большем числе отношений, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный ряд; члены его всегда *in absentia* [Соссюр, 1977, с. 156]. С точки зрения Соссюра, исключение синтагматического и / или парадигматического правила ведут к абсолютному разрушению коммуникации. Между тем семиотика Пирса позволяет описывать и интерпретировать коммуникативные акты, в которых отсутствуют оба типа отношений. Знаменитый пример объяснения Кити и Левина в «Анне Карениной» демонстрирует ситуацию, в которой понятие значимости события оказывается более важным в сравнении с понятием значения и правил соединения значений. Впрочем, подобная коммуникация, связанная с отказом от вербальных средств, приводит к усилению роли телесного языка, построенного на использовании иконических и индексальных знаков. Следовательно, оба различия имеют общий источник и связаны с проблемой полноты знаковой теории: то, что может интерпретироваться в семиотической теории Пирса, не может быть объяснено в понятиях и терминах соссюровской семиологии.

Таким образом, вопрос о правомерности двух конкурирующих знаковых теорий не может быть решен на уровне простого описания: эмпирические факты требуют выхода в философию. Дили справедливо замечает: «В этом отношении семиотическому развитию, несомненно, мешало в определении перспективы, полностью характерной для него, неизбежное переплетение со спиралью современной философии, – в частности, работой кантовской критики, в соответствии с которой не существует мира, по-

знанного или познаваемого, за пределами явлений, конструируемых самим пониманием в соответствии с его скрытыми механизмами и непреложными законами» [Дили, 2014, с. 22].

Иными словами, в зависимости от того, понимаем ли мы знак онтологически, включая в него механизмы естественной, природной коммуникации, либо эпистемологически как часть конструируемого мира нашим сознанием, мы получаем либо семиотику, либо семиологию. Семиотика включает в себя ракурс, говоря словами Дили, где «вещь, истинно существующая, и вещь мыслимая объединяются, в отличие от семиологии, объектом которой является лишь вещь мыслимая».

Фактически противопоставление семиотики и семиологии как противоположных сторон интерпретации знаковой теории, обладающей разной степенью полноты, имеет давнюю традицию, восходящую к XVII в. В своей статье Дили, в частности, указал на «Трактат о знаках» Джона Пуансо (1623 г.). В нем был выдвинут тезис, согласно которому «мы обнаруживаем знак в общем, поскольку он включает в себя в равной степени естественный и социальный знаки, в ракурсе которых даже те знаки, которые являются ментальными артефактами, – а именно условные знаки как таковые – также оказываются вовлеченными в рассмотрение» (цит. по: [Дили, 2014, с. 25]).

В написанном почти сорок лет спустя «Опыте о человеческом разумении» (1671 г.) Джон Локк занял противоположную позицию. В заключительной части своего труда он разделил все науки на три разряда: физику – науку о вещах, этику – науку о поступках, и семиотику – науку о знаках. «И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также – “логика”. Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим. Так как рассматриваемые умом вещи, за исключением его самого, не присутствуют в разуме, то ему непременно должно быть представлено что-нибудь другое в качестве знака» [Локк, 1985, с. 200]. Введение знака как отдельной от идей и слов категории (сейчас мы назвали бы это концептом) позволяет, по Локку, осуществлять анализ идей и осуществлять критику злоупотребления словами, т. е. риторику. Семиотика, таким образом, оказывается чисто социальной наукой, не изучающей механизмы реальной коммуникации, но устанавливающей нашему разуму определенные правила коммуникации. Не покидая пределов человеческого разума, семиотика в этом случае исследует логические и лингвистические проблемы и отвергает всё, что выходит за указанные пределы. В таком контексте Локк выступает как предшественник Соссюра и оппонент Пирса.

Мало кто из философов XX в. прошел мимо проблемы понимания знака, намеченного Пуансо и Локком. Показателен пример философской судьбы Мартина Хайдеггера, на которую ссылается Дили. «Среди совре-

менных философов, наиболее активно старавшихся избавиться от идеалистических спиралей в пользу семиотических, был Мартин Хайдеггер. Его неудачная попытка освободить себя от оков современного логоцентризма, несомненно, является доказательством распространенности последнего и говорит о масштабности задачи, с которой семиотике с большой вероятностью придется столкнуться» [Дили, 2014, с. 22–23].

Со своей стороны мы можем сослаться на судьбу другого неокантианца, политического оппонента Хайдеггера, – Эрнста Кассирера. В статье, посвященной неполноте знаковой теории, как она выразилась в известной монографии философа, посвященной теории символических форм, мы предположили, что причиной такой неполноты стало вынесение за скобки знаков, не обладающих конвенциональной природой и исключающих тем самым вопрос о коммуникации в мире животных. В настоящее время такое предположение нуждается в существенной коррекции. Как выяснилось позже, издавая книгу, Кассирер исключил из нее большой фрагмент о коммуникации, не включающей человеческое мышление и язык. Этот фрагмент был введен в научный оборот почти полвека спустя после смерти философа в 1992 г. и стал предметом комментария эстонского семиотика Андреса Вебера. В частности, он пишет: «В рукописи, которая никогда не публиковалась, Кассирер предполагает существование символического мира у определенных видов животных. В противоположность его утверждению “Эссе о человеке”, там говорится, что, по крайней мере, некоторые из них пользуются символическими системами, которые имеют физиогномический характер, точно такой же как мифический мировой порядок у первых людей (*physiognomic character as mythic world order of early people had*). Эта позиция противоречит ранее утверждаемой (и “официальной”) позиции, которая считает, что символизация присуща только людям» [Weber, 2004, p. 303].

Совершенно очевидно, что исключение этого отрывка не было случайным, оно оказалось необходимым Кассиреру для сохранения непротиворечивости картины мира, заданной тремя критиками Канта. Их двух принципов – полноты и непротиворечивости – философ пожертвовал первым, чтобы сохранить второй. Таким образом, принципиальное различие семиотики и семиологии имеет глубинный характер и не сводится к двум частным следствиям, о которых шла речь в начале статьи. Создавая семиотику, Ч. Пирс столкнулся с противоречием: либо понимать знак как всеобщую категорию, обеспечивающую коммуникацию как естественных, так и культурных образований, либо ограничить это понимание способностью людей коммуницировать в рамках заданной культуры. Избежав противоречий, Ф. де Соссюр в своей семиологии редуцировал коммуникацию, сведя ее статус к лингвистике как основному средству создания и интерпретации знаков, поскольку только «лингвистика может служить моделью (*patron general*) для всей семиологии в целом.

В заключение хотелось бы высказать два предположения о различии статуса текста и проблемы текстообразования в семиотике и семиологии.

1. Редуцируя знак до его символической разновидности и исключая понятие интерпретанты, семиология фактически психологизирует процесс производства текстов, что полностью соответствует указанию Соссюра, согласно которому точно определить место семиологии – задача психолога. В таком случае текстообразование понимается как феномен культуры, а сама культура, как говорил Ю. М. Лотман, представляет собой совокупность текстов. Расширяя понимание границ знака посредством включения знаков иконических и индексальных, семиотика, в отличие от семиологии, не абсолютизирует процесс создания текста, но рассматривает его как новое соотношение между текстом и не-текстом, причем не-текст оказывается содержательной пустотой, где отсутствие означающего не ведет к исчезновению самого знака, но конструирует новую ситуацию, в которой сам знак может выступать как объект семиотической критики. Пионерская работа Эвы Эстерберг «Молчание как коммуникативный прием» показала, что молчание не является механической границей, отделяющей одну фразу от другой, но всякий раз продуцирует некое коннотативное значение. Известный тезис Л. Витгенштейна, согласно которому, если нечего сказать, следует молчать, верно лишь в рамках семиологии с ее логоцентризмом, и теряет всякий смысл при семиотическом подходе. При таком понимании культура выступает не как набор текстов, но как набор коммуникативных практик, если воспользоваться термином М. Фуко.

2. В семиологии Соссюра, как уже отмечалось, лингвистика служит моделью для всей семиологии в целом. Хотя язык – только одна из многих семиологических систем. А если это так, то сам процесс создания текстов не может выйти за границы языка, точнее языков, созданных по лингвистической модели. В семиотике сам процесс текстообразования может пониматься как деконструкция языка, т. е. потеря языком своей прямой формы и существование в форме превращенной. Знаменитый тезис Якобсона, согласно которому «стих есть организованное насилие над языком», радикальным образом может быть распространен на процесс производства многих текстов, включая прежде всего творчество обэриутов или опыты драматургии абсурда. При всех модификациях семиология сохраняет свой нерушимый статус как науки о языковых системах. Семиотика же изначально обладает двойным статусом, о котором писал Ч. Моррис. Она есть общая теория знаков и одновременно система конкретных приложений к исследованию знаков в той или иной конкретной области. Примером такого двуликого Януса становится само понятие «семиотика литературы». В случае логического ударения на слове «литература» мы получим набор инструментов для выявления новых смыслов литературного текста, недоступных для прямого наблюдения. В случае ударения на слове «семиотика» мы будем рассматривать саму художественную литературу как

специфический способ оперирования знаками, отличный от всех иных способов.

Список литературы

Дили Д. Литературная семиотика и доктрина знаков // Критика и семиотика. 2014. № 1.

Кристева Ю. Текст и наука о тексте // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.

Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 2.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.

Weber A. Mimesis and Metaphor: The biosemiotics generation of meaning in Cassirer and Uexkull // Sing Systems Studies. Tartu, 2004. Vol. 32, № 1/2.

Article metadata

Title: Semiotics vs semiology: about completeness of the theory of signs

Author: Yu. V. Shatin

Author's e-mail: shatin08@rambler.ru

Author affiliation: Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Abstract: This article analyzes the main difference of American semiotics of Ch. Peirce and European semiology of F. de Saussure. The author considers that American semiotics includes wider comprehension of sign as compared with European semiology. Saussure asserts that the nature of the association between the signifier and signified was arbitrary, i. e., not based on inherent resemblance. American semiotics considers that may be various ways of classifying signs according to their syntactic, semantic, and pragmatic uses. Pierce divides signs in relation to their objects into three types: icons, indexes, and symbols. An icon is defined as sign which represents an object mainly by similarity to that object; and index as sign which represents its object by its existential relation to the object, and symbol as sign which signifies its object by law or convention. This difference ascends to the works of Pionsot (Tractatus de Sings, 1632) and of Locke (On Essay Considering Human, 1671). If Pionsot reminds Peirce then Locke resembles Saussure. The author of this article considers that American semiotics is characterized by completeness and European semiology is aspired to strictness and exactness.

Key terms: semiotics, semiology, icon, index, symbol.

Reference literature (in translation):

Dili D. Literaturnaja semiotika I doctrina znakov // *Kritika I semiotika*, 2014. № 1.

Kristeva Ju. Tekst I nauka o tekste // *Izbr.trudy: razrushenie poetiki*. M., 2004.

Lokk D. Opyt o chelovecheskom razumenii // *Lokk D. Soch.* V 3 t. T. 2. M., 1985.

Morris Ch. Osnovanja torii znakov // *Semiotika*, M., 1983.

Saussure F. Kurs obschej lingvistiki // *Trudy po jazykoznaniju*. M., 1977

Jacobson R. V poiskah suschnosti jazyka // *Semiotika*. M., 1983.

Weber A. Mimesis and Metaphor: The biosemiotics generation of meaning in Cassirer and Uexkull // *Sing Systems Studies*. 32: 1/2, Tartu, 2004.